

Марьям Талиева

«САРМАН»: ИСТОРИЯ ОДНОЙ ПЕСНИ

Течет время, убегает песком сквозь пальцы, вырастают дети, поколения смеяются друг друга, но вот память, странное дело, возвращает нас в прошлое, да так, что дух захватывает. Обрушиваются, не спрашивая позволения, и голоса, и запахи, и скрип соседской калитки, истлевшей лет пятьдесят тому назад, и нет сил противостоять этим воспоминаниям, жгучим и горьким, счастливым и безмятежным. И вот уже из облаков воспоминаний неторопливо прядется нить рассказа, истории нашей семьи.

Бабушка моя, Сирина Хабибуллиевна, родилась незадолго до войны и о тех далеких временах конца тридцатых годов прошлого века узнала уже потом, из рассказов взрослых, да из старых, бережно хранимых фотоснимков. На них юные, красивые, серьезные не по годам лица моих прадедушки и прабабушки в окружении детворы. Семья. Моя семья...

– Сарманский район Татарстана, место, где зародилась семья Хуснуллиных, богат живописными местами. Красота деревень и родников в их окрестностях воспеты в песнях и стихах. Немало их посвящено Сарману. Одна из них зовется «Сарман буйлары».

*Сандугачларкунуып кайда сайрый?
Сарман буйларында тирәктә, шул,
Сарман буйларында тирәктә.
Сиңа булган яшьлек мэхәббәтем
Үрелеп чәчәк ата йөрәктә.*

*Сарман буйларыннан үткән чакта,
Тыңларсыңмы, жырлар жырлармын, шул,
Тыңларсыңмы, жырлар жырлармын.
Күзләреңне тутырып карарсыңмы,
Зәңгәр таудан яулык болгармын.*

*Сарман буйларында яшел алан,
Печәннәре житәр бер заман, шул,
Печәннәре житәр бер заман.*

*Бергә яшәүләре бик күңелле,
Әмма аерылышу бик яман.*

Над цветущей весенней долиной Сармана
Так волшеббно и нежно поют соловьи,
А на трепетном сердце нежданно-незванно
Вырос хрупкий цветок моей первой любви.

Если песню мою ты услышишь случайно,
Поспешешь ли навстречу ко мне, милый мой?
Знать бы мне, что ты будешь в минуты прощанья
Ждать, когда вдалеке помашу я рукой.

В нашем чудном краю зеленеют поляны,
Налились и созрели покосы в лугах,
Веселы были встречи до зорьки румяной,
Как же тяжело теперь расставаться в слезах.

(вольный перевод с татарского Татьяны Апанович).

У этой песни, что как верный друг сопровождала семью Хуснуллиных, тоже сложилась кочевая судьба. Родилась в Сармане, в один миг зазвучала по всему Советскому Союзу, а потом надолго осела в казахских степях.

1938-й год. Заключительный концерт татарской оперной студии Московской консерватории. Событие не просто незаурядное, а, пожалуй, судьбоносное, как для всех его участников, так и для татарской академической музыки в целом. Неслыханная по грандиозности идея – на просторах огромной многонациональной страны, в каждой республике открыть собственные национальные оперные театры, оркестры. А еще – подготовить педагогические кадры для будущих консерваторий, создать репертуар и обучить будущих оперных солистов, композиторов, исполнителей. И должна эта идея воплотиться в жизнь не когда-нибудь со временем, а немедленно, за какие-то 4-5 лет. В СССР не существует слова «невозможно». Партия сказала: «Надо!». Так что отчетный концерт – итог пятилетней работы студии по выполнению четко поставленной партией и правительством задачи. И тут либо аплодисменты с грамотами участникам и создание оперного театра в Казани, либо...

Концерт прошел с грандиозным успехом. Особенно трогательно прозвучала песня «Сарман буйлары» в исполнении двадцатитрехлетнего выпускника студии Усмана Альмеева.

После 1938 года «Сарман» сразу стала чуть ли не самой известной татарской народной песней на просторах Советского Союза. Ее пели и в концертных залах, и на домашних посиделках, и под гармонь, и просто так. Песня о юности, о любви, о родном крае. Как близка она была молодым и полным надежд будущим переселенцам-татарам...

Вдали от шумной Москвы семьи братьев Хуснуллиных собирались в дальнюю дорогу из поселка Мензаябаш Сарманского района в неведомый Казахстан. Там выдался небывалый урожай, на уборке не хватало рабочих рук, и товарищ Ста-

лин решил переселить татар. Вопрос подняли на партийном собрании, братья и подписались. Между собой уже поговаривали: «Будет война, на Поволжье всегда голодно, а в Казахстане дети не будут голодать!» На решение уехать повлияло и то, что Хабибуллу (одного из братьев – отца моей бабушки, коммуниста, председателя колхоза) чуть не репрессировали. Сказал районному начальству, что урожай не будет таким большим, какой район обязался собрать перед областным партийным начальством – его и арестовали. Повезло, освободили почти сразу «перегиб» – сказали, даже партбилет сохранили.

Переселялись организованно. Сначала один брат съездил «с разведкой», затем пришла очередь остальных. Высадились на станции Орнек Акмолинской области в мае 1941 года. В тот год множество татарских семей приехало в Акмолинскую область. Селились рядышком: Кенес, Амангельды, Орнек, Коскарагай...

Рассказ бабушки Сирины льется неторопливо. К услышанным когда-то семейным историям добавляются воспоминания ее детства. Счастливого, несмотря ни на что!

– В семье моего отца Хабибуллы шестеро детей было. Я – младшая. Еще когда в поезде ехали, я, маленькая, годовалая, бегала по вагону, пела: «Кеттик, беттик!», что в переводе значит «уехали и пропали!». Папа тогда взял меня на руки, сказал: «Нет, доченька, всё будет хорошо у нас!». И правда, казахская земля встретила нас радушно. Нам предоставили деревянный дом, дали дойную корову, земли под картошку – сколько хочешь. Живи, радуйся. Была деревянная кровать, диван, стол, табуретки. Спали на диване-кровати поперек, двое на столе, кто-то на сундуке – это зимой. А летом стелили на пол полынь, берёзовые ветки – приятно пахло! Баню построили. Что еще нужно? У молодой матери Гильмиямал забот полно, но то и дело раздаётся ее голос. Татарские песни все красивые, и как же любила я их слушать! И «Сарман», конечно, мамину любимую. Песня о далекой Родине, о любви. Льется неторопливо, как ручеек журчит, мелодия светлая, прозрачная, покачивается то вверх, то вниз. Голос у мамы низкий, негромкий. Таким и врзался в мою память.

Как началась война, приезжих забрали сразу. И список уже готов, легче военкомату мобилизовать. В Акмоле новобранцев два месяца обучали военному делу. Гильмиямал и Хэжэр апа (жена брата папы) поехали проведать мужей. Связали носки, перчатки, шарфы, насушили сухарей. Зерна было много, казашки чашку зерна меняли на чашку картошки. Мама смеялась, но меняла, у нее картошки было много. Миннулла абый, мамин брат, свою картошку им погрузил. А сам со своей семьей до Казахстана не доехал. Эшелон их остановили, мужчин построили и отправили на фронт. Семьи же вернули назад.

Когда мама и Хэжэр апа поехали в Акмуллу (так они называли), где-то устроились, мешки тяжелые там оставили, вязаные вещи взяли с собой. Нашли воинскую часть, встретились с мужьями, поговорили, пообещав, что притащат мешки и останутся ночевать, ушли и заблудились. Всю ночь блуждали, мама кормящая, Хажар апа беременная, по-русски не знают. Утром нашли воинскую часть, прибежали, а солдат уже отправили на фронт, так и не попрощались. Мама часто сочиняла свои тексты на мотивы знакомых песен. «Сарман» и здесь первой приходила на помощь. Так появился в известной песне новый куплет:

*Акмулла кала узе ак икэн,
бэхетсез бала нужа курэ икэн.
Акмуллаларга озата бардым,
озата алмый адашын калдым.*

Город Акмола, большой, беленький.
А я, несчастливая, заблудилась.
Приехала на проводы,
Не проводила я солдата милого».

Наверное, так и рождаются народные песни. Один сочинит, второй добавит, третий споет по-своему. И каждый часть души своей вложит.

– Мы же, как приехали, никакого языка, кроме родного татарского, не знали, – продолжила бабушка Сирина. – Вскоре пригнали немцев из Поволжья, ингушей с Кавказа. Вместе на тыловых работах стали языки изучать – слово по-татарски, слово по-казахски, слово по-русски – быстро научились понимать друг друга. И выручать тоже. Общая беда сплотила. Немцам, ингушам особенно тяжело приходилось. Им же при переселении ничего не разрешили брать с собой. Голодные и раздетые, они умирали от холода и от голода. Мама им помогала, как могла. У нас же была кормилица корова!

Ещё у нас была баня из пластов земли, из дёрна, единственная на всё село, отец с братом успели поставить. Топилась по-чёрному. На камнях – круг, на круге горка гальки и топка, наверху дымоход. Всю войну топили баню. У нас вшей не было. Когда одежда сносилась, мама и старший брат Ильшат нас на спине носили в баню и обратно. Порвалась перина, в лохмотья превратилось одеяло, подушки выкинули. Взять новое было негде и не на что. Спали на соломе.

Я помню, у нас украли и зарезали телку, оставили шкуру и немного мяса – не успели забрать, рассвело. Вот эта шкура – на диване, и мы забрались в мешок с братом Ильгизаром, обнялись, чтобы было теплее и спали. А все взрослые на колхозной работе.

У нас был большой чугунок, варили картошку или затируху, ели молча. Если кончилось, значит наелись. С голоду многие умирали. Вот мама рассказывала. У соседки Марты, немки с Поволжья, дочь умерла от голода. Пришла Марта, плачет: ещё одна дочка, Клара, того и гляди помрет. А к кому ей еще идти? Ее сын Ванюшка целый день у нас, только спать идёт домой, научился говорить по-татарски. Мама Марте дала одно яйцо, ложку муки и стакан молока. А на следующий день приносит с работы полудохлого неучтенного ягненка и говорит: «Бог нас простит! Кушай Марта, кушай». Клара выжила. Потом, когда муж Марты вернется из трудармии, она его приведет к нам – показать, кто спас ее детей.

Я помню, похоронку на отца получили, мне тогда четыре года было, все плакали, и мы с Ильгизаром плакали, потом обнялись и уснули. В 44-м это было, отец год до Победы не дожил. А вот день Победы не очень хорошо помню, мама всех гладила по головке, потом плакала и каталась по земле, что даже на могиле мужа не побывать – далеко. Я уже потом, когда взрослая стала, нашла место захоронения отца. Он похоронен в братской могиле в Псковской

области. Из троих братьев только один домой с войны вернулся, без ноги, но живой, слава Богу!

После войны жизнь налаживаться стала. В 1947-м в школу пошли. Получилось так, что сестра Мадина – с десяти, Ильгизар – с девяти, Азия – с восьми, я пошла с семи. Полураздетые, босые. Мне моя первая учительница Раиса Харасовна дала старые калоши, ткань на заплатки. Старшая сестра Васбиямал всем навязала толстые носки. Поверх носков обували калоши и привязывали к ногам тонкими ремешками. У Ильгизара обуви только не было, как холода пошли, его дома оставили. Я удивляюсь, почему в то время дети, мои одноклассники не знали арифметику, целый учебный год до десяти считали. Голод постоянный, наверное, сказывался.

Мама и Хэжэр апа были награждены медалью «За доблестный труд». Вот их наградили, а потом попросили спеть, – продолжает бабушка. – Мама им и спела на свой любимый мотив из «Сарман»:

*«Рэхмэт юлдаш Сталинга,
медаль бирден тагырга,
брак шунсы начар булды.
Балаларнын киеме юк, тамагы юк ашарга».*

Спасибо товарищу Сталину,
медаль дал мне носить,
а дети мои голодные,
и нет у них одежды носить.

– Ой, Гилми, не пой такие песни!

Чаще, конечно, мама пела свою любимую «Сарман» без всякого повода, сожалая о своей горькой женской судьбе, о любви и семейном счастье, разбитом войной. Помню, например, такой куплет: «Соловьи поют и утром и вечером, наверное, хотят, чтобы я умерла от тоски».

Когда я уже в третьем классе была, учительница мне сказала: «Возьми справку в военкомате, что отец погиб на войне – будешь в столовой питаться бесплатно». Мы с двоюродной сестрой Азией учились в одном классе, взяли справки за своих отцов и стали кушать в столовой. Два раза в день нас кормили. И по чайной ложке сахару давали. Мы его аккуратно в ладошке домой относили, со всеми братьями-сестрами разделить. Так и жили.

«Сарман» – песня о красивой любви. В жизни, внучка, не всегда так бывает. Сватали старшую сестру Васбиямал. Мою любимую, самую добрую. Всех она нас поднимала, пока мама в колхозе трудилась день и ночь, она нам из ничего еду варила в большом чугуне, зимой носки, варежки, платки, шарфы всем вязала. В школу она только до войны ходила, в Орнеке стало не до того, за младшими смотреть и кормить их нужно. Так и осталась с тремя классами образования. Женихов не было, все парни на фронте погибли. Из соседнего района за ней приехал вдовец, казах Жусуп, – плакал, остались дети, знакомый дал ему наш адрес. Сели, вместе чай попили. Мама сказала: «Собирайся, Васбиямал! У тебя будут свои дети!» Вот и все сватовство.

Сестра Мадина, семнадцать лет, уже невеста. Влюбился в нее секретарь сельсовета, вызвал по повестке в контору и объясняется в любви. Попробуй не

пойди! Так еще и расписаться надо, что прочитала! В народе говорят: «Где любовь – рождаются хорошие дети». Мамина родила восьмерых детей, все стали достойными людьми... Любовь!

Мама по своей стороне сильно скучала, и песню «Сарман», наверное, потому так любила, жизнь с ней прожила и нам эту любовь передала. С песней всех детей на ноги подняла, образование дала. Сыновей женила, дочерей замуж выдала. У нас теперь свои дети, внуки...

Бабушка Сирина улыбнулась мне и замолчала, задумавшись о чем-то своем, невысказанном. Я смотрю на фото бабушки в юности – какая стать, красота, а какой огонь в этих смешливых глазах! Она и сейчас такая, боевая, беспокойная, бесстрашная, красивая, и молодым сто очков вперед даст. Никогда не скажешь, что скоро у нее юбилей – 80 лет! Я уже знаю, что ей подарить. Сколько раз она и сама просила меня об этом. «“Сарман” – любимая песня моей мамы. Найди, спой ее для меня, Марьям, внученька!» Только бы всё получилось!

Ноты «Сарман» нашлись через месяц, и не в Казахстане, а в Татарстане, в Казани. Ну как – ноты... Фотографии каких-то нот без названия, текста, вокальной строчки, непонятно в чьей обработке, то ли для фортепиано, то ли для гармошки.

Взглянув на свеженабранный в компьютерной программе (которую мне, к слову, самостоятельно пришлось освоить в кратчайшие сроки) текст аккомпанемента, концертмейстер Ляйля Калайдаровна Сеитова только вздохнула: «Тут совсем нечего играть, придется импровизировать!» Сказано – сделано! Под ее чуткими руками небогатая фактура мгновенно заиграла, приобрела блеск и мощь.

Мой педагог по вокалу Татьяна Николаевна Руднева помогла, не нарушая общего контура мелодии, придать песне, что называется, концертный характер. Прекрасная, но уж до примитивности просто записанная татарская песня из Золушки на моих глазах превращалась в принцессу. Да, в таком виде можно и рискнуть включить в программу на Республиканский конкурс молодых исполнителей. Для справки, этот конкурс по значимости стоит выше многих международных. Участвовать в нем для меня, как и для любого музыканта, без преувеличения, большая честь.

Конечно, мне бы хотелось написать, что я заняла первое место или даже получила Гран-при. Но это было бы неправдой. Места я не заняла, только диплом. Хотя, что значит «только»? Я получила диплом республиканского конкурса!!! И была на седьмом небе от счастья! Для начинающей вокалистки – это еще какое достижение!

И главное, что песня получила наконец новую жизнь. Как часто я слышала о ней от бабушки, ждала встречи с ней, как с родным человеком, с которым долго была в разлуке. И вот песня вернулась в наш дом, чтобы остаться в нем навсегда.

Юбилей бабушки Сирины собрал множество гостей. Не все, конечно, смогли приехать. Шутка ли, от семейного древа братьев Хуснуллиных, когда-то молодыми семьями приехавших в Казахстан из Татарстана, разрослись 150 ветвей – дети, внуки, правнуки. Вот такая родня! Видео моего сольного выступления бабушка, невзирая на мои робкие протесты, со словами: «Как это не надо?», разослала всем родственникам. Бабушки, они такие!

А недавно произошло поистине замечательное событие в нашей семье! 15 марта 2022 года в Посольстве Российской Федерации в Астане моей бабушке Галиевой Сирине Хабибуллиевне вручили Орден Славы III степени ее отца Хуснуллина Хабибуллы, павшего на полях сражений в далеком 1944 году! Спустя 78 лет награда оказалась с нами! Можно ли выразить всю боль, радость, гордость? И опять собрались все – племянники, внуки, потомки огромной семьи, читали Коран и вспоминали, вспоминали. Родное село, Сарманский район, где зародилась наша семья, Орнек, с дорогой душой давший кров и приют семьям переселенцев. Вспоминали героев, не вернувшихся с войны, и хрупких женщин Гильмиямал и Хэжэр, на двоих поднявших десятерых детей. И, конечно же, пели песню, что как верный друг, шла с нами рядом всю жизнь.

Убегает время, события, которых так ждал, вдруг остаются позади, становясь прошлым. Когда-нибудь и я расскажу своим внукам об истории нашей семьи, о моей горячо любимой бабушке, о подвиге их прапрадедов-героев, покажу такой дорогой ценой доставшийся орден, и доверю им хранить нашу реликвию, нашу память, нашу песню «Сарман».

Марьям Галиева – студентка четвертого курса колледжа Казахского национального университета искусств (г. Астана). Активная участница культурных мероприятий Объединения татар и башкир городов Кокшетау, Астаны, Степногорска и Акмолинской области. Лауреат и дипломант международных и республиканских конкурсов вокалистов.

В сентябре 2023 года отмечают:

90-летие

Аким Ашимов (Аким Тарази), прозаик, драматург

80-летие

Акын Алаканулы, прозаик

70-летие

Нурмахан Елтай, прозаик

Редакция журнала «Простор» сердечно поздравляет юбиляров!

